

ИНТЕРНАТОВСКАЯ ПОЗА.

(Текст моей ст., удалённой из «Традиции» сукой Н-чем).

Интернатовская поза (немецкое: «die Internatsstellung») — поза для порки по бёдрам воспитанников школ-интернатов.

В этой позе наказываемый лежит на спине, подтянув сведённые вместе колени, на сколько то позволяет гибкость его тела, к подбородку; при этом его стопы подняты предельно высоко; руки наказываемого заложены за голову, ежели он берётся стоически вытерпеть экзекуцию, либо надёжно связаны за спиною, — ежели имеют место попытки сопротивления.

Экзекутор же, одной рукою удерживая его за лодыжки ног в означенном положении, другою наносит с помощью какого-либо узкого орудия сильные с оттяжкой удары по обнажённым бёдрам, что, при предельном напряжении мышц и предельно натянутой коже наказываемого, делает боль от порки едва переносимой.

Чтоб не тратить времени на излишне унижительный для обоих участников действия спуск штанов перед поркою, мальчиков в европейских школах-интернатах обычно круглый заставляли носить форму, включающую недлинные шорты и высокие шерстяные гетры, — ярчайшим примером чего, бесспорно, выступает круглогодичная униформа Юнгфолька.

Если в закрытых учебных заведениях Европы с XVIII до второй половины XX века порка ротанговым прутом в Интернатовской позе была, в основном, наказанием даже за сравнительно нечастую мастурбацию, считавшейся, из-за религиозных предрассудков, чрезвычайно опасной для

здоровья, — то в советских детско-юношеских спортивных школах эта поза, с применением в качестве орудия порки боксёрской кожаной скакалки, стала для тренеров (пусть и негласно) чуть ли ни самым эффективным способом заставить юного спортсмена собрать свою волю в кулак перед выполнением трудной задачи, т. е., выражаясь спортивным сленгом, стала способом «накачки спортивной злости». Но как же всё-таки радостно, получив по голым ногам с полдюжины адски жгучих скакалок, взять с какою-то, невообразимой до этого лёгкостью, ту «планку», о которой прежде оставалось только мечтать! И по-истине, тот, в ком не заложено сáмой возможности такой радости, не имеет и не будет никогда иметь, той воли к борьбе, которая столь чётко отпечаталась в ответе королевы Виктории на вопрос журналиста лондонской «Таймс» об итогах заседания кабинета министров, созванного в связи с тяжелейшим положением британских войск в Трансваале в 1900-м, ежели не подводит память, году. Она тогда ответила, по-римски лапидарно и устало-сухо: «Вопрос о [нашем] поражении даже не рассматривался».

Поскольку, как тò следует из стоек и, главное, из Канта, только воля к борьбе, будучи направлена против собственных дурных наклонностей субъекта морали, какого бы происхождения эти наклонности ни были, способна *argès tout* доставить ему высокое звание Человека. И ,напротив, отказываясь от борьбы, всякий, всё больше и больше, делается рабом сугубо внешних обстоятельств, уподобляясь тем самым неодушевлённым вещам. «Чтò ж это за спокойствие такое, вывести из которого может [своим карканьем даже] ворона?» — говорит о подобном положении дел учитель Марка

Аврелия, Эпиктет.

Сильная, но не слишком долгая порка выбивает из хилого мальчишки не только безволие, понуждая выжимать пресс по полной (сл.здесь: <http://allll.net/w/images/e/e0/757.mp3>), но и саму его хилость.

И когда тренер личностного роста Николай Мрочковский пишет в своей книге «Личная власть» (главы о фитнесе откуда см.здесь: <http://proza.ru/diary/reinelkis1/2014-02-26>), что заставляя себя ежедневно в предрассветный час, даже в по-осеннему слякотную погоду, выходить на всё более длительную пробежку в футбольных трусах и короткой футболке, всякий не только мало-помалу повышает выносливость тела, но и, прежде всего, укрепляет волю, приближая её к тому нестигаемому состоянию, что присуще лишь харизматической личности, — он утверждает наличие только одной стороны медали. Другую её сторону демонстрирует доктор медицинских наук Сергей Сперанский, пишущий в статье «Поркотерапия» (см. здесь: <http://bolivar-s.livejournal.com/7193.html>), что при сильной порке в организме наказываемого выделяется огромное количество заживляющего гормона эндорфина, которому всё равно, что заживлять, синяки от побоев или собственные болячки наказываемого, в силу чего в организме этом после экзекуции вовсю идут регенерационные изменения.

Так что здесь и вообще в вопросе о применимости насилия в ижизни общества, прав не токмо Ницше со своим знаменитым: «Всё, что не убивает меня, делает меня сильнее», но и Сенека с чуть менее известным: «Умного судьба ведёт, а глупого тащит [на аркане]». Ведь что такое есть наличное бытие обособленного в-себе-и-для-себя «я»

во всём многообразии актов его воления,— а именно так расшифровывается на языке классической немецкой философии излюбленный хайдеггеров термин «Dasein»! — как ни краеугольный, сиречь завершающий (немецкое «an wirklich» здесь куда лучше позволяет увидеть суть дела) выполнение, камень самоорганизующегося подвижного порядка всего сущего, каковой древние именовали ««*κόσμος νόητος*»»? И несомненно, Лосев, говоря в очерке «Родина» (см. здесь: <http://u.to/JivVIA>), что «никакого «меня самого» нет помимо самой жизни; не я живу, но жизнь живёт во мне и, так сказать, живёт мною», куда лучше показывает, что такое Dasein, чем Хайдеггер, с его не слишком-то внятным камланием про «бытийствование бытия». Ну да Господь с ним, с Хайдеггером, так как выражай он свои мысли чуть проще, им непременно занялась бы контора папаши Мюллера...

Итак, и жизнь живёт мною, обрастая по-ходу, бóльшим иль меньшим количеством особенностей. А, значит, в частности, что, хоть большинству уже профессиональных футболистов достаточно, по усвоенной в отрочестве привычке, для вхождение в состояние максимальной собранности пред ответственным матчем, почувствовать коленями ледяной воздух, прибыв в аэропорт, à la Ch. Ronaldo , уже в тренировочных трусах и гетрах при +5 °С за окном (метод Мрочковского),— то наверняка должны быть и такие, кому, в силу ровно такой же привычки, необходимо получить от тренера по общефизической подготовке от 3-х до 6-и пребольных скакалок по бёдрам (метод Сперанского).

Последние, конечно, всячески шифруются, опасаясь облыжного обвинения со стороны толпы в мазохизме. Но,

во-первых, мазохизма, как такового, здесь, как ни крути, всё же меньше, а способа сосредоточится на поставленной задаче — больше; во-вторых, толпа никогда не понимала и никогда не будет в состоянии понять, до какой вообще, степени мазохизм и серьёзные занятия спортом — смежные модусы (т. е. векторы конкретных актов воления) наличного у-себя-самого-бытия человеческого «я».

Однако «смежные» и «тождественные» — отнюдь не одно и то же! На водораздел здесь очень точно и предельно лаконично указал крупнейший из большевицких педагогов, Антон Макаренко — сказав это, правда, лишь применительно к ребёнку: «Ударить можно, [но] унижить нельзя». Но, как будет показано дальше, данное правило относится ко всем телесным (да и динамическим почти наверняка тоже) наказаниям вообще, а не только порке детей, как таковой.

В самом деле, серьёзные занятия спортом, как то следует из учения Мрочковского, укрепляет силу воли наличного у-себя-бытия всякого «я», приучая переносить неудобства сугубо телесного вроде бы характера, а именно, во-первых, мышечную усталость от многократных бессмысленных, как единичный такт велосипедного насоса при накачивании колёс (отсюда просторечное словечко «качаться» применительно к спортивной тренировке мышц) в ходе той же тренировки нижнего пресса; во-вторых, приучая переносить боль от ударов при столкновении с соперником в многочисленных контактных командных играх и в ходе применения болевых приёмов в столь же многочисленных видах борьбы (см., в частности, здесь: <http://u.to/-uznIA>) Обратный же порядок действий, когда уже сильная воля направляет свежеработанный

организмом в ходе порки эндорфин на заживление его собственных болячек, наинагляднейшим образом показан в работе доктора Сперанского. То есть здесь налицо система сообщающихся сосудов, поскольку дело идёт о неотъемлемых качествах «я»-у-себя-самого, рассматриваемого именно так, как его рассматривали древние, а именно, как «μῆχροχοσμος» относительно «χοσιμὸς νόητος».

Но какое, скажите на милость, имеет отношение к спорту унижение, без педалирования которого не может обойтись садомазохизм, будучи явлением преимущественно ментального, а не телесного порядка, — коль-скоро одна из сторон экзекуции при этом ещё до всякой схватки всегда принуждена ощущать себе схватку сию проигравшей?! Да никакого!..

Этого тонкого отличия насилия от унижения не понял даже доктор Спешивший, в самом начале своей статьи поспешив судорожно откреститься ото всех призывов к первому, как от «дикости», тогда, как на самом деле дикостью является именно второе, — не говоря уж о предводительствуемой либерал-демагогами толпе, кругозор среднестатистического участника которой едва простирается за рамки его повседневных профессиональных обязанностей, в силу чего он частенько путает, к примеру, Робеспьера с шифоньером.

Ибо всё в Подлунном мире может обернуться борьбою, а, значит, в конечном счёте, насилием, даже если это — схватка с собственными дурными наклонностями! И сам Венедикт Нурсийский часто порол монахов основанного им ордена за недостаточное усердие в соблюдении данных обетов, отнюдь не намереваясь этим опустить их

самооценку, что называется, ниже плинтуса. Тогда как упомянутые либерал-демагоги, говоря о недопустимости порки, на том основании, что она будто бы превращает мелких озорников и ленивцев в заядлых драчунов и, в свою очередь, предлагая оснастить все детские площадки таким количеством резиновых ковров, обрезиненных уголков и рукояток, чтоб играющий там здоровый ребёнок вообще не мог набить себе шишку, — либерал-демагоги эти не понимают, что, как отметил один наполеоновский офицер и, в последствии, литератор, «опереться можно только на то, что оказывает сопротивление». Следовательно, предлагаемая ими «безушибовая» среда для здоровых детей плодит, в конце концов, столь распушенных и безвольных задвохликов, что вытереть ноги об эти ничтожества почтёт своим долгом всякий, уважающий себя джигит. Ведь всё, получаемое даром, если это с малолетства входит в привычку, почти что не ценимо и очень быстро приедается, требуя замены чем-то новым, более изощрённым, а к длительной борьбе с внешними в той или иной степени, обстоятельствами воля таких вырожденцев *ipso facto* не готова.

Ибо массу глупцов и всевозможных подлецов, на их глупости наживающихся — массу, из которой невозможно выделить никого, о ком можно было бы сказать словами большевицкого поэта «Гвозди б делать из этих людей / Не было б в мире прочнее гвоздей», уже и людьми-то назвать, по гамбургскому счёту, язык не поворачивается. Это — говорящая солома.. Но довольно о грустном, ибо здесь мы ведём речь отнюдь не о деградации.

Точно также, кстати, не имеют прямого отношения к спорту штрафы, коими обычно наказывают за

несоблюдение дисциплины спортсменов-профессионалов, лишь не надолго лишая отнюдь не бедных, мягко говоря, людей излишнего, но никогда не лишая их необходимого. Зато к серьёзному занятию спортом бесспорно имеют прямое отношение наказания динамические, т. е. осуществляемые посредством выполнения наказываемым сверхурочного количества повторов какого-либо упражнения (например, отжиманий от пола) — раз, как уже говорилось выше, спорт всегда приучает у-себя-самого «я» терпеть неудобство от усталости, — и телесные, т. е. осуществляемые посредством порки или удержания наказываемого на болевом приёме в единоборствах, — раз уж спорт всегда приучает это «я» терпеть боль.

Марат Зуф. Салихов, 3 8. 2024 г.